

ПОЭТ И СВЯЩЕННИК

/К истории взаимоотношений М. Волошина и П. Флоренского/

В. Купченко

Поэт и художник Максимилиан Александрович Волошин /1877--1932/ мог познакомиться с богословом и математиком Павлом Александровичем Флоренским /1882--1943/ еще в 1908 году: на "Башне" Вячеслава Иванова. В "Дневнике" поэта М.А. Кузмина от 17 февраля 1908 записано: "Был Флоренский из духовной академии"¹. Волошин же, как известно, бывал в квартире В.И. Иванова, где собирались по средам представители русской духовной культуры, постоянно.

Это, однако, только предположение. Более достоверно известно о встречах поэта и священника в начале 1917 года, когда М.А. Волошин находился в Москве. 18 января 1917 г. отец Павел надписал Волошину три своих работы -- оттиски из "Богословского вестника" /редактором которого он был/ за 1915 и 1916 годы: "Не восхищение непщева", "Привидение чисел" и "Около Хомякова"².

"Не восхищение непщева. /К суждению о мистике/" надписано: "Глубокоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину с чувством признательности и за лики творчества и за лики земли -- Священник Павел Флоренский. 1917. I. 18. Сергиев Посад."³ Судя по этой надписи, Волошин ранее подарил Флоренскому книгу своих критических статей "Лики творчества", выпущенную журналом "Аполлон" в 1914 году. Под "ликами" же "земли" подразумеваются, повидимому, акварели Волошина, -- как раз в то время появившиеся на выставке общества "Мир искусства" в Москве. По сообщению Марии Павловны Флоренской, Волошин подарил отцу Павлу несколько своих акварельных пейзажей /хранятся ныне в За-

горске, у семьи Флоренских/.

Вторая работа Флоренского "Привидение чисел. /К математическому обоснованию числовой символики/" имеет надпись: "Максимилиану Александровичу Волошину с глубокою признательностью за впечатления от его метагеологии -- Священник Павел Флоренский. 1917. I. 18. Сергиев Посад." Между тем, Г.А. Шенгели, поэт и переводчик, впоследствии свидетельствовал, что "мета-геологией" П.А. Флоренский называл живопись Волошина..⁴

На книжке "Около Хомякова. /Критические заметки/" читаем: "Глубокоуважаемому Максимилиану Александровичу Волошину, плененный его мышью -- Священник Павел Флоренский. 1917. I. 18. Сергиев Посад." Эта надпись говорит, что отец Павел уже читал "Лики творчества" -- и особенно отметил статью Волошина "Аполлон и мышь". Автографы же Волошина на подаренных ему книгах и его карандашные пометки в последней из упомянутых здесь брошюр заставляют предположить, что и Волошин читал работы Флоренского.

Кроме названных, в библиотеке Волошина сохранилось еще несколько статей Флоренского -- уже без дарительных надписей, но все же, повидимому, поднесенных автором. Это: "О типах возрастания" /из "Богословского вестника" № 7 за 1906 г./, "Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда" /Кострома, 1910 г./, "Служба Софии, премудрости Божии" /из "Богословского вестника" № 2, за 1912 г./, "Пределы гносеологии /основная антиномия теории знания/" из "Богословского вестника" № 1 за 1913 г./ и "Вступительное слово пред защитой на степень магистра книги: "О духовной истине", Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года" /из "Богословского вестника" № 9 за 1914 г./.

Волошин, в свою очередь, преподнес П.А. Флоренскому книгу своих стихов о войне "Anno Mundi Ardentis 1915" /М., "Зерна", 1916/, -- написав ее: "Отцу Павлу Флоренскому с глубоким уважением и робостью посылаю эту книгу. Максимилиан Волошин".

шин. 19¹²/П. 17". /Хранится в собрании семьи Флоренских, сообщено мне В.А. Никитиным, -- которому приношу свою благодарность и за некоторые другие сведения для этой статьи/.

Нет сомнения, что Волошин и Флоренский при своих встречах помногу беседовали. 9 января 1918 года, одобряя намерение Г.А. Шенгели составить "Словарь эпитетов", Максимилиан Александрович писал ему: "Но еще было бы интереснее составить толковый словарь символов. Мы об этом в прошлом году говорили со свящ(енником) Пав(лом) Флоренским. Моя статья "Аполлон и мышь" представляет, в сущности, такой опыт выяснения широты символа"...⁵ Назначение этого словаря сам Флоренский определял так: "Он имеет назначением, по аналогии со словарями словесных обозначений мысли, издания коих были осуществлены Академиями различных стран, установление значений з р и т е л ь н ы х о б р а з о в, у п о т р е б л я е м ы х в к а ч е с т в е о б о з н а ч е н и й п о н я т и й, и задача эта должна ограничиться этой регистрационной ролью, ибо творчество идеографических образов, подобно творчеству слов, принадлежит стихии народной и лишь в исключительных случаях является достижением индивидуального вдохновения..."⁶

Общность мысли проявилась у Волошина и Флоренского в подходе к одному из принципиальных вопросов иконописания. В своей статье "Чему учат иконы?" /"Аполлон", 1914, № 5, с. 26--33/ Волошин одним из первых осознал тот факт, что иконографический канон не сковывает творческую индивидуальность иконописца, а помогает ей раскрыться⁷. Это, на первый взгляд парадоксальное утверждение, было высказано и Флоренским: "Трудные канонические формы во всех отраслях искусства всегда были только оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования. Подымая на высоту, достигнутую человечеством, каноническая форма высвобождает творческую энергию художника к новым достижениям, к творческим взлетам и освобождает от необходимости творчески твердить зады"...⁸

В последующие годы Волошин продолжал интересоваться творчеством Флоренского, -- о чем свидетельствует единственное из сохранившихся /в авторской машинописной копии/ его писем:

"Отцу Павлу Флоренскому от Максимилиана Волошина.
Почт(овый) адр(ес): Феодосия, д(ом) Айвазовского.
19¹⁸/IX²³.

Глубокоуважаемый и дорогой отец Павел,

Эти годы я часто и всегда с радостью соприкасался с Вашей мыслью. Последнюю вестью о Вас были "Мнимости в геометрии". Мысли Ваши о Дантовом миростроительстве были мне особенно ценны и мне захотелось поделиться с Вами тем, чем я жил эти годы. Посылаю Вам тексты двух моих книг: "Неопалимой Купины" и "Путями Каина", которые, верно, не скоро увидят свет. Первая -- о России, вторая о Западе и о материальной культуре. Вторая -- еще фрагменты. Особенно хочется мне, чтобы Вы прочли главу "Космос".

Начали ли выходить выпуски "У водоразделов мысли"?⁹

Посылаю Вам эти стихи и строки через д(окто)ра Гранберга¹⁰, который был в Коктебеле и обещал все передать Вам из рук в руки.

Максимилиан Волошин."¹¹

Волошин не случайно обращает внимание Флоренского на одиннадцатую главу стихотворного цикла "Путями Каина. /Трагедия материальной культуры/" -- "Космос". Эта глава была написана поэтом в июне 1923 года и, судя по ней, Волошин находился под влиянием той интерпретации структуры вселенной, в представлении Данте, которую дал Флоренский в своем труде "Мнимости в геометрии" к 600-летию со дня смерти Данте /М., 1922, с. 44..53/.

Следует также отметить, что на Волошина, возможно, оказали влияние взгляды Флоренского на искусство, его сущность и

назначение. "Противопоставляя Хаосу Божественный Логос, -- пишет о Флоренском исследователь, -- он считал, что искусство -- это такая область деятельности человечества, где наиболее остро проявляется организующий и созидующий Логос /энтропия/, который противопоставляется Хаосу -- беспорядку, разрушению /энтропия/. Эта идея была им поставлена и разработана задолго до того, как стала одним из основных положений теории информации"¹².

Борьба Хаоса и гармонии, разрушения и созидания, энтропии и эктропии -- это сквозной мотив всей поэмы Волошина, начиная от первой главы "Мятеж" и кончая последней, пятнадцатой, "Суд".

Прислушайся ко всем явлениям жизни:
Двойной поток:
Цветенье и распад...

/Бунтовщик/

Глава "Космос" является ключевой -- и в ней, пожалуй, в наибольшей мере видна перекличка с идеями Флоренского, приятие и отталкивание от них, полемика с ними:

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.
Системы мира -- слепки древних душ.
Зеркальный бред взаимоотношений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знания,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит...

Обращение поэта к гностическим образам, к символам древних мистерий, их поэтическая интерпретация представляли для Флоренского несомненный интерес.

Весной 1924 года, будучи в Москве со своей женой, Марией Степановной, Волошин, повидимому, встречался с отцом Павлом. В его записной книжке помечено 1 апреля 1924: "5 ч(асов). Фаворск(ий). Флоренс(кий)". П.А. Флоренского и Владимира Андре-

евича Фаворского /1886--1964/, выдающегося гравера, художника и скульптора, связывали многие годы дружбы. Именно Фаворский исполнил в 1922 году обложку к книге Флоренского "Мнимости в геометрии", -- о которой Флоренский писал: "Его гравюра не просто украшает книгу, но входит конституитивно в ее духовный состав". Встреча Волошина с Флоренским состоялась, вероятно, на квартире В.А. Фаворского или на квартире матери Павла Александровича О.П. Флоренской /в Староконюшенном переулке/.

Зимой 1926 года о Флоренском писала Волошину искусствовед Екатерина Алексеевна Некрасова, -- сообщая о делах журнала "Маковец", где тот сотрудничал: "О(тец) Павел живет очень замкнуто"¹³. На следующий год, будучи снова в Москве, Волошин, возможно, опять виделся с Флоренским; во всяком случае, в его записной книжке записан его адрес: "Б(ольшая) Спасская, 11, кв. 1"¹⁴. За полтора месяца до смерти, отвечая на литературную анкету Е.Я. Архиппова, Волошин подтвердил свою высокую оценку творчества П.А. Флоренского. Выбирая семь книг прозы, которые он бы "оставил навсегда с собой", он, после Библии, "Братьев Карамазовых" Достоевского и рассказов Н.С. Лескова, назвал "Столп и утверждение истины"...¹⁵

Примечания

1. ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед.хр. 53.
2. Эти -- и названные далее -- брошюры П.А. Флоренского хранятся в Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле /Крым/.
3. В качестве подписи везде использована напечатанная на титульном листе фамилия автора.
4. Г. Шенгели. Киммерийские Афины. -- ж. "Парус" /Харьков/, 1918, № 1, с. 12.
5. Скопировано в архиве М.С. Волошиной в Коктебеле в 1960-х годах.
6. П.А. Флоренский. "Symbolarium" /предисловие к Словарю символов/, 1923. -- Труды по знаковым системам. V. -- Тарту.
7. См. Максимилиан Волошин. Стихотворения. т. 2. Париж, 1984, с. 280.
8. П. Флоренский. Иконостас. -- Богословские труды, сб. 9. М., 1972, с. 105.
9. В приложении к "Мнимостям в геометрии" /М., "Поморье", 1922/ был опубликован план работы Флоренского "У водоразделов мысли", законченной вчерне в 1922 году.
10. Гранберг, Петр Владимирович -- московский врач. Вероятно, ранее подобным же образом Волошин передал с оказией свою поэму "Святой Серафим", посвященную Серафиму Саровскому.
11. Архив Дома-музея М.А. Волошина /Коктебель/.
12. Ан. Просвирнин. Из богословского наследия священника Павла Флоренского. -- Богословские труды. Сб. 9. М., 1972, с. 80.
13. Письмо от 23 февраля 1926 г. -- ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед.хр. 874.
14. Там же, оп. 1, ед.хр. 466.
15. ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед.хр. 46. Книга П. Флоренского "Столп и утверждение истины" /М., 1914/ была впоследствии, в 1930-х годах, похищена из волошинской библиотеки.